

УДК 159.99
ББК Ч 104.5

ГСНТИ 15.01.17; 15.41.35

Код ВАК 19.00.01, 19.00.05

Леоненко Наталия Олеговна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Институт психологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: sfleo@mail.ru

**ЭТНИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жизнестойкость; ценности; духовные традиции; этнос; межкультурный диалог; культурная диффузия.

АННОТАЦИЯ. Представлены результаты эмпирического исследования жизнестойкости китайских и российских студентов. Выявленные особенности анализируются в контексте смысловой социокультурной дихотомии «Запад – Восток». Межкультурный диалог рассматривается как средство взаимного заимствования культурно обусловленных ресурсов жизнестойкости.

Leonenko Natalia Olegovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of General Psychology, Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

**ETHNIC RESOURCES OF STUDENTS' TOUGHNESS
IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

KEY WORDS: toughness; values; spiritual traditions; ethnicity; inter-cultural dialogue; cultural diffusion.

ABSTRACT. The paper presents the results of an empirical study of resilience of Chinese and Russian students. These features are analyzed in the context of meaningful socio-cultural dichotomy «East – West». Intercultural dialogue is regarded a means of mutual borrowing of cultural resources due to resilience.

Постановка проблемы и предмет эмпирического исследования

Социально-экономическая и духовно-культурная трансформация современного общества, развитие рынка труда и соответствующие требования к конкурентоспособности специалистов определяют высокую степень стрессогенности современной жизни и предъявляют особые требования к ресурсам личности. В современном научном мировоззрении такие ресурсы принято рассматривать в терминах гетеростаза, отражающих, в отличие от гомеостаза, активные стратегии саморазвития, самоорганизации и живой саморегуляции как необходимых условий бытия личности.

На наш взгляд, наиболее полно эта модель отражена в понятии «жизнестойкость» («hardiness»), введенном Сьюзен Кобейса и Сальваторе Мадди (9; 24), отражающем индивидуальные способности личности к зрелым и сложным формам саморегуляции как на экзистенциальном, так и на психофизиологическом уровне функционирования человека. В экзистенциальном ключе жизнестойкость соотносится с понятиями *отвага быть* (П. Тиллих), *экзистенциальное мужество* (Р. Мэй), готовность *действо-*

вать вопреки всякой случайности и произволу (М. Хайдеггер), *авторство жизни* (В. Франкл, И. Ялом) (6; 9). Психофизиологический аспект жизнестойкости обусловлен той ролью, которую эта характеристика играет в минимизации разрушительного влияния стрессогенных факторов на организм человека (6; 9; 15).

В структуре жизнестойкости выделяют три взаимосвязанных установки: *вовлеченность, контроль и принятие риска*, определяющих способность личности трансформировать негативные впечатления в новые возможности и противостоять разрушительному влиянию стрессогенных факторов на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности (6; 9; 15; 24).

В студенческий период развитие жизнестойкости имеет особую значимость, поскольку обуславливает способность к качественному развитию в личностной, социальной и профессиональной сферах, к формированию профессиональных и общекультурных компетенций, определяющих полноценную самореализацию в эпоху глобальных перемен и мирового кризиса. Поскольку студенческая молодежь является носителем активной силы общественных изменений, а также потенциальной культурной, политической и экономической элитой общества, то способность молодого поколения продуктивно преодолевать жиз-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительством Свердловской области, проект № 13-16-66024.

ненные трудности определяет потенциал государства в преодолении кризиса и дальнейшем процветании.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что жизнестойкость во многом определяется тем, *какой ценностный фундамент* будет сформирован у молодого поколения (А. Маслоу, В. Франкл, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев и др.). Являясь одной из высших подструктур психического аппарата, именно ценности и смысловые ориентации формируют адаптационный и инновационный потенциал личности. Вместе с тем согласно культурно-историческим психологическим представлениям ценности личности определяются культурой и обществом (Э. Шпрангер, Э. Эриксон, А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев и др.).

Однако в условиях модернизации традиционных типов культур ценностные и смысловые ориентиры, ранее определявшие регуляцию поведения личности в жизненных ситуациях, претерпевают значительную трансформацию и девальвацию.

Вместе с тем появление новых информационных возможностей, в частности в образовательной среде, открывает новые пути для поиска лучшего опыта преодоления духовного кризиса, постигшего человечество. Одним из механизмов органичного заимствования лучшего мирового наследия является межкультурный диалог, определяемый культурологами как *«транснациональный поток»* (Т. Эрикзон), *«глобальный контекст»* (Р. Робертсон), *«принцип культурного развития»* (А. Л. Радугин) (3; 4; 11 и др.).

В процессе культурного диалога происходит *культурное заимствование* и *культурная диффузия*, предполагающие мирный способ перенесения идей, традиций, ценностей и норм жизни, которые способствуют прогрессу и удовлетворяют те потребности, которые не могут удовлетворить существующие культурные комплексы данного этноса (4).

В сфере образования каналами для такого культурного контакта могут выступать научные конференции, обмен студентами и специалистами, различные формы виртуальных коммуникаций между студентами, обеспечивающие живое общение. Именно живой диалог между представителями разных культурных и этнических групп позволяет сделать ценности разных культур объектом личного переживания, рефлексии собственных ценностей и их сравнения с ценностями представителей других культур. Сравнение в данном случае выступает естественным механизмом взаимопонимания и самопознания с последующим проникновением и добровольным присвоением наибо-

лее ресурсных идей и жизненных стандартов (3; 11 и др.).

Этнические ресурсы жизнестойкости в контексте межкультурного диалога между субъектами образовательной среды могут быть использованы в качестве смысловых ориентиров в поиске новых путей развития личности субъектов образования.

Культурно обусловленные ориентиры в развитии личностных ресурсов студентов мы анализировали в рамках эмпирического исследования жизнестойкости и ее связи с ценностными и смысловыми ориентациями китайской и российской студенческой молодежи.

Организация исследования и характеристика выборки

Исследование проводилось с сентября 2011 года по май 2012 года. В качестве респондентов выступили студенты Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург, Россия) и Синьцзянского педагогического университета (г. Урумчи, КНР). Китайская выборка представлена респондентами в количестве 82 человек (26 юношей и 56 девушек), средний возраст – 21,2 года. Российская выборка представлена студентами в количестве 81 человек (21 юноша и 60 девушек), средний возраст – 21,1. Участие в тестировании было добровольным, процедура проводилась в групповой форме.

Эмпирическое исследование жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентаций китайских студентов проводилось в апреле 2012 года в рамках международной конференции, посвященной программе подготовки сотрудников системы образования стран-членов ШОС на базе Синьцзянского педагогического университета (г. Урумчи, Китай).

В целях минимализации погрешностей, связанных с коммуникативными проблемами между исследователем и исследуемыми, процедура тестирования проводилась совместно с представителями обеих тестируемых культурных групп.

Авторы выражают признательность Н. А. Ахметовой – доктору педагогических наук, профессору Синьцзянского педагогического университета (КНР) – за помощь в организации и сборе эмпирических данных респондентов китайской выборки. Мы также благодарим Малику Нурашеву – переводчика Синьцзянского педагогического университета (КНР) – за перевод текстов методик на китайский язык.

Методы и методики исследования

В исследовании были использованы следующие методики.

1. Тест жизнестойкости С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Расказовой. Опросник включает в себя 45 пунктов, направлен на измерение общего показателя жизнестойкости личности и входящих в ее состав экзистенциальных установок: вовлеченность, принятие риска и контроль.

2. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. Леонтьева. Методика состоит из пяти шкал и общего показателя смысловых ориентаций, отражающих субъективное ощущение глубины осмысленности жизни. Опросник включает 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары альтернативных предложений, между которыми возможны семь градаций предпочтения.

3. Морфологический тест жизненных ценностей В. Сопова, Л. Карпушиной. Методика направлена на изучение ценностно-мотивационной структуры личности и состоит из 112 утверждений, каждое из которых испытуемому необходимо оценивать по пятибалльной шкале.

С целью достижения максимальной адекватности использованных методик в китайской группе респондентов мы использовали технику двойного перевода (Д. Кемпбелл, О. Варнер, 1970). Данная техника заключалась в переводе с русского языка на китайский, после чего независимый переводчик переводил текст на русский язык. Процедура проводилась до полного устранения расхождений в форму-

лировке утверждений. При обсуждении соответствий учитывались представления о характеристиках жизнестойкости и ценностно-смысловой сферы у исследователей как из российской, так и из китайской культурной групп.

В итоге к математико-статистическому анализу было представлено две групповых матрицы, в каждой – по 58 шкал, включающих переменные по параметрам жизнестойкости и смысловых ориентаций респондентов.

В соответствии с логикой исследования и распределением переменных, отличным от нормального (критерий Колмогорова-Смирнова), для анализа различий между выборками применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни; для оценки силы и направления корреляционных связей между показателями жизнестойкости и ценностно-смысловыми компонентами использовался непараметрический метод ранговой корреляции Спирмена (r_s).

Обсуждение результатов исследования

При анализе эмпирических данных по российской и китайской выборке оказалось, что интегральный показатель жизнестойкости китайских студентов статистически выше ($p \leq 0.01$), чем у российских. Сравнительный анализ отдельных компонентов жизнестойкости также показал достоверные различия по всем параметрам жизнестойкости (рис. 1).

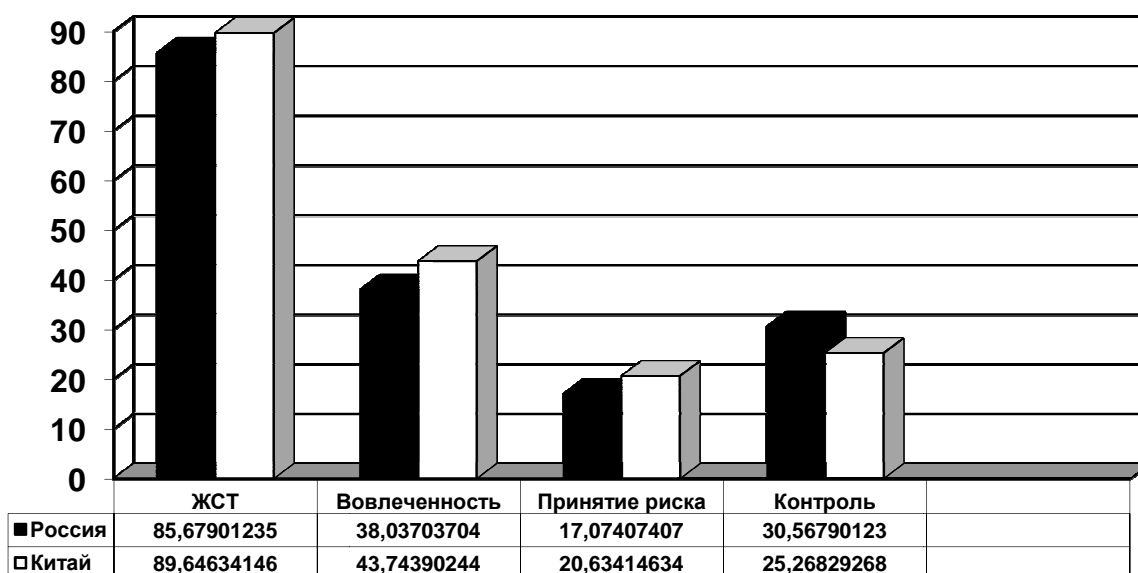

Рисунок 1. Средние значения параметров жизнестойкости китайских и российских студентов

Обратимся к детальному анализу эмпирических данных. У китайских студентов в значительно большей мере оказалась вы-

раженной *вовлеченность*, отражающая способность к максимальному сосредоточению на выполняемой деятельности, непо-

средственному переживанию процесса жизни и его восприятию как интересного и увлекательного. Согласно культурантропологическим данным, образ жизни китайцев действительно характеризуется как центрированный именно на ситуации (17). Ориентация китайцев на настоящее подтверждается и выявленными нами корреляционными связями между показателями вовлеченности (по тесту жизнестойкости) и ориентации на процесс жизни (по тесту смысложизненных ориентаций) (0,73). В авторской интерпретации шкала «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» соотносится с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, что чтобы жить. Этот показатель отражает убежденность испытуемого в том, что сам процесс его жизни является интересным, эмоционально насыщенным и осмысленным. Понятие такой процессуальности и вовлеченности содержательно перекликается с концепцией «потока» М. Чиксентмихайи (2012), где состояние потока определяется как оптимальное состояние внутренней мотивации, при которой человек полностью включён в то, что он делает (6).

Следующим различием при анализе жизнестойкости является более высокий показатель «Принятие риска» у китайских студентов в сравнении с их российскими сверстниками ($p \leq 0.01$). Способность принять вызов является отражением философского отношения к трудностям, при котором опасность воспринимается не как угроза, а как сложная задача, решение которой побуждает к непрерывному росту. Такая позиция является одним из наиболее значимых постулатов экзистенциальной психологии и философии, нашедших свое выражение в тезисе Ф. Ницше «Все, что не убивает нас, делает нас сильнее». В сравнении с китайскими сверстниками, российские студенты в меньшей мере готовы к принятию риска. Наши данные согласуются с результатами социологического исследования жизненных ценностей россиян, согласно которому в ценностной оси «Открытость изменениям – сохранение» россияне устойчиво занимают полюс сохранения и более других европейских народов тяготеют к стабильности и безопасности (14).

Корреляционный анализ показал, что в разных выборках шкала *принятия риска* связана с разными ценностями и смыслами. Так, у китайских студентов значительно более высокий показатель принятия риска связан с показателем смысложизненной ориентации «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», а

также с ценностью *развития себя* в сферах *физической активности, обучения и профессиональной жизни*.

У российских студентов значительно более низкий показатель принятия риска коррелирует с ориентацией «Цели в жизни», а также с ценностью *достижений* в сферах *общественной и профессиональной жизни*.

Как видно из приведенных данных, у китайских студентов шкала «Принятие риска» связана с категориями *настоящего* и *развития*, тогда как у российских – с категориями *будущего* и *достижений*.

Связь принятия риска китайскими респондентами с ориентацией на настоящее и на развитие согласуются с выраженным показателем вовлеченности в данной группе респондентов (рассмотрено выше). В свою очередь, и вовлеченность, и готовность к принятию риска относятся к экзистенциальным установкам, ориентирующим личность на открытость новому опыту и свободу от страха изменений. Что касается российских респондентов, то, возможно, сосредоточенность на целях и на будущих событиях лишает их гибкости восприятия процесса жизни в целом. В свою очередь, такая избирательность внимания снижает широту охвата сигналов и точность ориентации в настоящем. Исходя из этого, можно заключить, что чем ниже степень ориентации в настоящем, тем ниже готовность к принятию риска.

В то же время у российских респондентов оказался достоверно более высоким, чем у их китайских сверстников, показатель по шкале «Контроль» ($p \leq 0.01$). При этом наиболее значимо шкала контроля в российской выборке коррелирует с такими смысложизненными ориентациями, как «Цели в жизни», «Локус контроля Я» и «Локус контроля – жизнь». Данные корреляции подтверждают предполагавшуюся ранее тенденцию российских студентов к ориентации на будущее.

Если соотносить контроль со степенью принятия риска в экзистенциальном ключе, то данные характеристики могут быть интерпретированы как полярные категории. Если *контроль*, свойственный российским студентам, отражает веру в то, что любой человек может оказать влияние на ход жизненных событий, то *принятие риска*, более выраженное у китайских респондентов, напротив, выражает непосредственное переживание и невозможность заблаговременного предсказания своих действий, что исключает возможность полного контроля. В процессе адаптации теста жизнестойкости на русскоязычной выборке Д. А. Леонтье-

вым с соавторами также были выявлены отрицательные корреляции между показателями контроля и принятия риска. Эти данные были получены в выборке слушателей курсов позитивной психологии, что косвенно указывает на линейную зависимость между проявлением интереса к экзистенциальным вопросам и принятием риска (6, с. 34).

Неоднозначность роли установки «контроль» в жизнестойкости находит свое подтверждение в ходе исследований самого автора концепции жизнестойкости. С. Мадди выявил положительные значимые корреляции между показателем контроля и поведенческим синдромом «А», выражающими психологическую предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям (6, с. 14). Исходя из этого мы можем предположить, что высокая степень выраженности установки «контроль» является стрессогенным фактором для организма и, в частности, для сердечно-сосудистой системы человека. Возможно, высокий уровень жизнестойкости предполагает контроль не высокий, но соразмерный действительности, в которой не все можно контролировать, что соответствует традиционным для культуры востока фатализму и вере в невозможность и ненужность изменений, предназначенных судьбой (17; 18).

Резюмируя анализ различий в выраженности характеристик жизнестойкости студенческой молодежи, в качестве этнической особенности китайских студентов мы можем назвать значительно более высокий уровень развития *экзистенциальных установок* в сравнении с их российскими сверстниками (высокая степень вовлеченности и принятия риска при соразмерном действительности уровне контроля).

Различными являются и ценностно-смысловые ориентации, связанные с характеристиками жизнестойкости. Так, более высокая жизнестойкость китайской молодежи преимущественно связана с *ценностями развития и ориентацией на настоящее*. В российской выборке параметры жизнестойкости коррелируют с *ценностями достижения и ориентацией на будущее*.

Если соотносить выявленные эмпирические характеристики с принципами существования, описанными Э. Фроммом, то, на наш взгляд, особенности жизнестойкости в российской выборке более согласуются с *модусом обладания* («Иметь»), а аналогичные параметры в китайской выборке – с *модусом бытия* («Быть») (19).

Э. Фромм раскрывает сущность *принципа «Быть»* как проявление жизнелюбия и подлинной причастности к миру, предпо-

лагающие непрерывное становление и жизнь как процесс (19; 20). В китайской выборке этот принцип нашел свое отражение в высокой степени принятия риска и вовлеченности в процесс жизни, в преобладании ценностей развития в основных сферах жизни (физической, интеллектуальной и социальной).

Принцип «Иметь» отражает модель отношений человека и общества, ориентированную на собственность, и выражается в стремлении сделать мир объектом обладания (19; 20). Приоритетность ценности достижений и установки на контроль, характерные для российских студентов, могут быть соотнесены с данным модусом, поскольку отражают стремление к демонстрации индивидуальности через обладание социальным и профессиональным статусом, контроль всех событий в жизни.

Склонность российской молодежи к обладанию как способу личностной реализации косвенно подтверждается аналогичными результатами исследования терминальных ценностей российских и немецких подростков (5). Содержательный анализ эмпирических данных показал, что для российских респондентов наибольшую значимость представляют их *материальное положение* и *социальный статус*, что также соотносится с модусом обладания по Э. Фромму. Для немецких подростков наибольшую значимость представляют *возможности обучения и развития в сфере профессиональной жизни*, что может отражать стремление к реальной компетентности в профессиональной жизни и соотноситься с тенденцией «Быть».

Согласно концепции Э. Фромма, модус существования личности не является врожденным, а формируется в результате воздействий социальных условий. При этом стремление к обладанию чаще всего свидетельствует о псевдоуверенности человека и характерно именно для тоталитарного государства (19; 20). Исходя из этого мы предположили, что тенденция обладания, выявленная в российской выборке подростков, может быть следствием длительного периода тоталитарного режима в СССР со свойственными для него тотальным дефицитом материальных благ и утверждением конформизма. Многие исследователи говорят о том, что последствия этого режима до сих пор определяют ментальность людей, живущих на постсоветском пространстве (Ю. А. Левада, Л. Д. Гудков, И. Г. Яковенко, Н. С. Розов, Г. Г. Дилигенский, К. О. Касьянова и др.). С этой точки зрения, стремление к материальному достатку и статусу в обществе может быть следствием гипер-

компенсации их недоступности в прошлом для всей этнической общности на постсоветском пространстве. Так, Ю. А. Левада, Л. Д. Гудков (13), обобщая советское наследие в характеристиках постсоветского человека, отмечают *неуверенность* в правовой и социальной защищенности, *фрустрированность* систематическим расхождением внутренних запросов и реальных возможностей. В постсоветский менталитет переносится убеждение советского человека в том, что экономические и социальные блага, равно как и человеческие права, распределяются в соответствии с *социальным статусом*. Следовательно, стремление к обладанию благами и статусом, а также потребность в контроле, свойственные для российской выборки, имеют реальные основания, укорененные в длительном историческом опыте россиян и политическом устройстве советского, а затем и постсоветского государства.

Роль тоталитарного прошлого в формировании этнической модели бытия российской молодежи может быть принята в качестве гипотезы на примере сравнения с немецкой выборкой. Германия, согласно данным Центра гуманитарных технологий, имеет один из самых высоких индексов демократии в мире, что позволяет рассматривать политический режим этого государства как противоположность тоталитарного (21). Однако этот объяснительный принцип теряет свою актуальность при сравнении российской выборки с китайской. Согласно данным того же Центра гуманитарных технологий, индекс демократии в Китае значительно ниже российского в мировом рейтинге (21). В этой связи возникает вопрос о том, какой фактор кроме социально-политического может определять более позитивный опыт свободы китайской молодежи в сравнении с российской?

Основываясь на анализе философской и культурантропологической литературы, мы полагаем, что значимым фактором межэтнических различий психики является именно культура. В свою очередь центральной зоной культуры являются *духовные традиции* – передаваемые из поколения в поколение особенности отношения человека к миру: ценности, интересы, убеждения, нравственные нормы, являющиеся базой для его решений и действий (4; 10; 11; 16 и др.). Роль духовных традиций в развитии личности и общества подтверждена целым рядом современных отечественных и зарубежных исследований (Ефремова М. В., 2010; Коваль, 1994, 1998; Лебедева, Татарко, 2007, 2009; Липов, 2005; Harrison, Huntington, 2000; Inglehart, 2000; Barro,

McCleary, 2003, 2006; Dana, 2009; Benjamin, Choi, 2009; Guiso, Sapienza, 2003).

Если рассматривать этническую идентичность в контексте социокультурной дихотомии «Восток – Запад», то можно выделить две полярных модели этнической идентичности (*H. Kohn*) – *гражданскую модель*, характерную для Запада, и *культурную модель*, типичную для Востока (23). Основой гражданской модели (Запад) являются политические принципы, идеология, политические институты и права. Культурная модель (Восток) основана на языке, традициях, религии (*S. Shulman*) (25).

Возможно, это и является ответом на вопрос о том, почему в китайской выборке, несмотря на достаточно высокий индекс тоталитарности в государстве, преобладает тенденция «Быть». Ресурсы такого способа существования китайцев локализованы в восточных духовных традициях, обеспечивающих свободу от несовершенства *социального устройства* (в котором локализованы ресурсы западного человека).

Обобщая анализ культурных традиций в контексте *смысловой социокультурной дихотомии «Запад – Восток»*, к ментальным особенностям Востока можно отнести ориентацию на *собственную активность личности* в совладании с жизненными трудностями. Характерной чертой Запада является ориентация на *внешние ресурсы* (М. Вебер, К. Г. Юнг, Э. Фромм и др.). Об этом свидетельствуют и разные установки относительно центральной религиозной проблемы спасения, выделенные М. Вебером: буддизм отрицает богообращение и ориентирует личность на спасение через собственные действия, а христианство – основано на обращении к Богу, персонифицированному в посредника-спасителя (1).

В работах С. Мадди есть данные о том, что жизнестойкость не зависит от религиозных характеристик (6; 9; 24). Однако среди респондентов, принимавших участие в лонгитюдном исследовании, автор не выделяет категорию лиц, исповедующих буддизм, даосизм и конфуцианство (основные религии в Китае). Указана категория «представители Азии», к которым могут быть отнесены и мусульмане, религия которых так же, как и христианство, предполагает персонифицированного Бога-посредника, несущего ответственность за события жизни и их исход. Косвенным подтверждением тому является то, что С. Мадди интерпретирует религиозность как веру в сверхъестественное, которому приписывается ответственность за происходящее. Такое посредничество и персонификация имеют место в христианстве и мусульманстве, но отсутствуют

в буддизме и даосизме, исповедуемых в Китае. Рассмотрим более подробно религиозные традиции китайцев.

Наиболее глубокое влияние на формирование системы ценностей китайцев оказали традиции *даосизма* (Лао Цзы, VI в. до н. э.) и *конфуцианства* (Кун Цзы, IV в. до н. э.), что отражено в высказывании Х. Сьюй: «Каждый образцовый китаец в социальной сфере – конфуцианец, а в душе он всегда немного даос» (17, с. 180-181). Если даосизм предполагает развитие внутренних ресурсов личности, то конфуцианство определяет дисциплинированность и смирение во внешнем (государственном) плане. Помимо даосизма и конфуцианства, с I в. н. э. китайцы приняли традиции *буддизма* (в китайской трактовке – *дзен-буддизм*), что отразилось на их умении стойко переносить лишения и невзгоды. Между представителями всех этих трёх конфессий никогда не было вражды, большинство китайцев считают себя последователями всех трех религий. Таким образом, типичный китаец, ориентированный на собственные, внутренние ресурсы развития и самосовершенствования, в социальном плане осознанно идентифицируется с обществом (11; 12; 16; 17; 18 и др.). В западной культуре установки *индивидуализации* и *укорененности* в обществе антагонистичны и самоопределение относительно этих установок сопряжено с экзистенциальной болью (Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу и др.). В структуре личности китаец эти установки находятся в отношениях взаимозависимости, предполагающей непротиворечивую целостность, гармонию, единство (17; 18 и др.).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что для индивидуалистического общества в большей степени, чем для коллективистского, характерны одиночество, депрессия и другие явления, несовместимые с высоким уровнем жизнестойкости (1; 11; 18 и др.). Более того, многие современные исследователи, вслед за выдающимися мыслителями XX столетия В. И. Вернадским и П. Тейяр де Шарденом, считают, что развитие человечества при господстве индивидуалистической культуры ставит под угрозу выживание вида (16). Сегодня все более утверждаются позиции коммунитаризма, утверждающего необходимость интеграции индивидуализма (уважение основных прав человека) и коллективизма (заботу о благополучии семьи и общества).

Подобное соотношение Э. Фромм называл позитивным опытом свободы, предполагающим самовыражение человека в любви и деятельности при сохранении единства с обществом. К. Роджерс зафиксировал

гармоничное соотношение между внутренними и поведенческими тенденциями в понятиях «конгруэнтность» и «полностью функционирующая личность». К. Юнг назвал непротиворечивое единство личного и коллективного – индивидуацией, составляющей цель личности. Д. Майерс определяет такой опыт как компромисс «между индивидуализмом Запада и коллективизмом Востока, между эгоистической независимостью и заботливостью, между защитой индивидуальных прав и общественным благополучием, между свободой и братством, между я-мышлением и мы-мышлением» (10, с. 225).

Ответом на вопрос о том, какая степень интегрированности личности в группе является наиболее оптимальной с точки зрения жизнестойкости, могут выступать показатели продолжительности жизни, воспроизводства населения, темпы технического и социально-экономического преобразования, которые в Китае значительно выше, чем в России. Согласно исследованиям в сфере политики и экономики, в настоящее время в Китае наблюдается небывалый подъем национальной экономики, активно развивается ее инновационная составляющая. В стране создан огромный потенциал дальнейшего долговременного развития, что обусловило превращение Китая в «одну из самых мощных экономик мира и изменение всей архитектуры мировых экономических и политических отношений. Оставаясь наименее уязвимой перед лицом глобального финансового кризиса 2008-2010 гг., страна практически выступает локомотивом мировой экономики в кратко- и среднесрочной перспективе» (12, с. 3).

В контексте поиска ресурсов жизнестойкости мы можем предположить, что ее основой в китайском обществе являются, с одной стороны, *приверженность культурным традициям*, с другой – *экзистенциальные установки и идея непрерывного самосовершенствования*, заложенные в этих традициях и помогающие трансформировать разрушительные переживания в созидательные.

Не случайно в современных условиях тотального кризиса и дефицита ресурсов по его преодолению потенциалу восточных духовных практик обретает все большую востребованность в западном обществе (единоборства, йога, медитация, целительные символы, тренинговые программы по организационному консультированию и т. д. (18).

Смысловое поле восточной духовной культуры активно осваивалось современными западными мыслителями XX века – представителями психоанализа (К. Г. Юнг,

Э. Фромм, К. Хорни и др.) и гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, С. Гроф и др.).

Результаты проведенного нами эмпирического исследования, безусловно, имеют предварительный характер. Мы не претендуем на фундаментальность наших выводов о культурных и духовных предпосылках жизнестойкости китайской молодежи в сравнении с российской. Вместе с тем, намеченные в статье культурные ориентиры в развитии жизнестойкости могут стать предметом апробации возможности взаимного присвоения наиболее ресурсных идей

и жизненных стандартов средствами межкультурного диалога в сфере образования как «повседневной и всепроникающей реальности» (3, с. 24). Живой диалог между представителями разных культур в условиях образовательной среды может способствовать непосредственному и естественному проникновению субъектов на «более глубокие уровни человеческого опыта, который может скорее дополнить и обогатить другие возможные взгляды на человека, чем выступить некоторой альтернативой по отношению к ним» (Цит. по. : 7, с. 121).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М., 1994.
2. Ефремова М. В. Взаимосвязь гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
3. Колесников А. С. Интеркультурная философия в образовании // Компаративное видение истории философии. СПб., 2008.
4. Кравченко А. И. Культурология : учеб. пособ. для вузов. М. : Академический проект, 2001.
5. Леоненко Н. О. Сравнительный анализ терминальных ценностей и Я-концепции русских и немецких подростков // Актуальные проблемы психологии и конфликтологии : сб. науч. ст. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010.
6. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.
7. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Печать экзистенциализма: эмпирические корреляты экзистенциального мировоззрения // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 1 (10).
8. Логинова М. В. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности // Вестник Московского университета МВД России. № 6. М., 2009.
9. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6.
10. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. СПб., 2000.
11. Михалина О. А. Философия образования Запада и Востока: необходимость развития межкультурного диалога // Аналитика культурологи. URL: <http://analiculturolog.ru>
12. Полозюкова О. Е. Особенности экономики Китая и перспективы ее развития на современном этапе : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.
13. Розов Н. С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир России. 2011. № 1. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/rus-mentality.htm>
14. Руднев М., Магун В. Жизненные ценности российского населения: сходства и различия в сравнении с другими европейскими странами» // Вестник общественного мнения. 2008. №1. Янв. – февр.
15. Рассказова Е. И. Психологические концепции стресса и его последствий // Психология психических состояний. Вып. 6. Казань, 2006.
16. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учебник для вузов. М. : Аспект Пресс, 2009.
17. Сюй Х. Особенности китайского национального характера. Ч. 1. // Молодой ученый. 2011. №2. Т. 2.
18. Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М. : Наука, 1989.
19. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1997.
20. Фромм Э. Кризис психоанализа. Дзен-буддизм и психоанализ. М., 2004.
21. Центр гуманитарных технологий: гуманитарные технологии и развитие человека. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>
22. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994.
23. Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1944.
24. Maddi S., Khoshaba D. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. №2.
25. Shulman S. Challenging the Civic / Ethnic and West / East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. N 5.

Статью рекомендует д-р психол. наук, профессор Ф. С. Исмаилова.